

Из истории «арестованных»
фольклорных текстов в 1930-е гг.:
случай песни о челюскинцах
(по материалам следственных дел НКВД)

Светлана И. Быкова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, sibykova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются содержание и практики распространения песни о челюскинцах (на мелодию «Мурки»), тексты которой сохранились в следственных делах, инициированных Управлением НКВД по Свердловской области в 1930-е гг. Квалифицируя песню как «контрреволюционную», сотрудники НКВД арестовали людей, у которых были обнаружены ее записи. Анализируя результаты исследований по фольклору в сталинский период, автор статьи определяет значение обнаруженных архивных материалов в контексте политической коммуникации 1930-х гг. и научной дискуссии о героической топике советской мифологии. Сравнивая тексты вариантов песни между собой и с другими, опубликованными ранее, автор выявляет общие элементы и отличия, имеющие ситуативный и/или личностный характер. Анализ стиля текста и почерка «распространителей», анкетных и иных данных об арестованных, историй «хождения» текста в показаниях обвиняемых и свидетелей, дополненный фактами из других исследований, позволяет сделать вывод о странстве и социальной среде бытования «контрреволюционного» произведения.

Ключевые слова: экспедиция челюскинцев 1933–1934 гг., Герой Советского Союза, неформальная коммуникация, устное народное творчество, «советский фольклор», «Мурка», политические репрессии, сюжет, версия

Для цитирования: Быкова С.И. Из истории «арестованных» фольклорных текстов в 1930-е гг.: случай песни о челюскинцах (по материалам следственных дел НКВД) // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. Т. 5. № 2. С. 86–108. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-2-86-108

From the history of “arrested” folk texts of 1930s:
the case of song about “Chelyuskin” crew members
(on the materials of investigative cases
of the NKVD)

Svetlana I. Bykova

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia, sbykova@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the content of the song about *Chelyuskintsy* (sung to the tune of “Murka”) and how it spread among the people. The lyrics were kept in the investigation cases initiated by the NKVD Department of the Sverdlovsk Oblast’ in the 1930s. NKVD operatives considered that song to be “counterrevolutionary” and arrested people with the lyrics written down. Analyzing the results of folklore research during Stalin’s day, the author determines the importance of the found archival materials within both the context of political communication of the 1930s and the scientific discussion of the heroic topicality of the Soviet mythology. Comparing the text versions of the song with each other as well as with other versions published earlier, the author identifies both common elements and differences of situational and/or personal nature. The analysis of the style and handwriting, personal and other data of the arrested, the stories of the text “circulation” in the testimonies of both the accused and the witnesses, supplemented by facts from other studies, allows us to conclude about the space and social environment for the “counterrevolutionary” work.

Keywords: Chelyuskin expedition of 1933–1934, Hero of the Soviet Union, informal communication in the 1930s, oral tradition, “Soviet folklore”, heroic topicality, “Murka”, political repressions, interdisciplinary research, plot, version

For citation: Bykova, S.I. (2022), “From the history of ‘arrested’ folk texts of 1930s: the case of song about ‘Chelyuskin’ crew members (on the materials of investigative cases of the NKVD)”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 5, no. 2, pp. 86–108, DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-2-86-108

Экспедиция на корабле «Челюскин» под руководством О.Ю. Шмидта, дрейфование на льдине после кораблекрушения в течение двух месяцев и спасение благодаря летчикам были в 1933–1934 гг. важнейшими событиями не только советской, но и мировой истории. В лаконичном высказывании Бернарда Шоу, зафиксированном И.М. Майским, который в эти годы являлся

Полномочным послом СССР в Великобритании, отражена неоднозначность происходившего и его восприятия современниками: «Вы – поразительная страна! Полярную катастрофу превратили в национальное торжество»¹. Эпопея челюскинцев и спасавших их летчиков действительно воспринималась как пример героизма и стойкости советских людей, вызывая симпатии в самой стране и за ее пределами. Государственная власть использовала историю челюскинцев как пропагандистский и политический ресурс с высоким коэффициентом эффективности. Тем не менее оценки обычных людей, подвергавших сомнению и даже отрицавших официальную версию событий, имели множество нюансов и оттенков, отражавшихся в доверительных разговорах, слухах, анекдотах, частушках, публичных выступлениях и даже эмоциональных выкриках. Феноменальный информационный резонанс уникального события отразил, как в зеркале, особенности вертикальной и горизонтальной коммуникации в СССР. Задачи данной статьи – реконструировать историю «челюскинской “Мурки”», используя материалы следственных дел и публикаций, авторы которых изучали особенности неформальной коммуникации и политического фольклора в сталинскую эпоху; описать циркуляцию песни в контексте других актуальных фольклорных жанров; сравнить лексические и содержательные особенности «арестованных» текстов с публиковавшимися ранее; определить их значение в коммуникативных практиках 1930-х гг.

Изучение сложных отношений власти и народа, государственной идеологии и политических представлений простых людей в советском государстве в 1930-е гг. имеет солидную историографическую традицию. Исследуя «настроения» и «мнения», ученые анализируют не только материалы официальных инстанций, но и содержание разных видов неформальной коммуникации (в том числе слухов и фольклора) [Фицпатрик 2001а; Фицпатрик 2001b; Дэвис 2011]. Слухи как стратегию господства в 1930-е годы, с одной стороны, и как альтернативные толкования подозрительной или неясной информации – с другой, рассматривает Т. Шиллинг, отмечая, что критическое отношение могло мобилизовать людей на действия, направленные против властного авторитета [Шиллинг 2011, с. 334–348]. К. Хамфри представляет в своем исследовании варианты языковой изобретательности населения СССР [Хамфри 2005, с. 314–339]; Т. Джонстон утверждает, что распространение слухов в сталинский период свидетельствует о наличии «социальных сетей доверия» [Джонстон 2011, с. 18–27].

¹ *Майский И.М.* Бернард Шоу и другие. Воспоминания. М., 1967. С. 47–48.

Распространение анекдотов и частушек, пословиц и поговорок, критикующих мероприятия власти, также предполагало взаимное доверительное отношение. Однако данный аспект «фольклорной действительности» не рассматривается в профессиональных исследованиях. Ученые изучают процесс политизации фольклора, установление государственного контроля не только за содержанием коллекций, но и за работой фольклористов. В частности, А. Архипова и С. Неклюдов отмечают возникший в 1920-е гг. интерес к «новому фольклору» не только ученых, но и власти, стремившейся найти/создать регистр языка, на котором надо «говорить с народом». Однако высокий протестный потенциал частушек, песен и анекдотов становится в 1930-е гг. причиной цензуры, запретов, уничтожения сборников, ареста собирателей [Архипова, Неклюдов 2013, с. 44, 46, 61–67]. Н. Комелина, анализируя методические рекомендации по записи современного фольклора в 1920-е и 1930-е гг., также отмечает кардинальные изменения. Если в первое постреволюционное десятилетие ученые имели возможность собирать как положительные, так и отрицательные «поэтические отклики» людей на происходившие изменения в их жизни, то уже на рубеже 1920–1930-х гг. начинают преобладать «идеологические оценки слухов и всех жанров народного творчества: их содержание характеризуют как “враждебное”, “антисоветское”, а создателей, исполнителей и даже собирателей привлекают к уголовной ответственности по статье 58-10» [Комелина 2013, с. 306–309].

Изучая историю фольклора в СССР, ученые продолжают дискуссию о статусе неподцензурных и идеологически инспирированных текстов. Подводя некоторые итоги дискуссии, А. Панченко указывает на принципиальное различие «ленинского» и «сталинского» периодов в истории «советского фольклора»: во второй половине 1920 х – начале 1930-х гг. доминируют прозаические нарративы, называемые «сказками», «сказами» или «легендами», которые в середине 1930-х гг. уступают место стихотворным текстам эпического и лиро-эпического характера («новины», «советские плачи»). Вернувшись к статье Р. Дорсона, разделившего «официальный» фольклор (*fake lore*) и аутентичную традицию (*folklore*), А.А. Панченко отмечает проблематичность подобного подхода [Панченко 2005, с. 351, 355]. Метаморфозы «народного» творчества, советской идеологии и культуры в 1930-е гг. представлены в исследованиях К. Богданова [Богданов 2009] и У. Юстуса [Юстус 2000а; Юстус 2000b].

Одним из наиболее изученных жанров устного народного творчества 1930-х гг. является анекдот. А. Архипова и М. Мельниченко в своем исследовании представляют содержание и особенности бытования анекдотов о Сталине [Архипова, Мельниченко 2011].

Составив подробный указатель сюжетов и тематическую классификацию самых разных «антисоветских» анекдотов, М. Мельниченко исследовал историю их публикаций, представил источники, фиксирующие анекдоты [Мельниченко 2014]. Однако, заявив в первом из названных изданий, что главное внимание уделяется датированным фиксациям анекдотов по разным источникам – в том числе по «судебным» делам, доносам, – составители не имели возможности указать этот вид источников в списке [Архипова, Мельниченко 2011, с. 392–399], ибо действительно были использованы лишь опубликованные данные из исследования С. Дэвис, текстов в журналах «Пчела», «Коммунист», сборниках «Россия. XX век. Документы» и т. п. (некоторые из примеров см.: [Архипова, Мельниченко 2011, с. 119, 154, 204, 350, 351]). Данный комментарий не ставит под сомнение новаторский характер и значение исследования А. Архиповой и М. Мельниченко – лишь подчеркивает трудности работы с источниками, открывающими доступ к «аутентичному» фольклору и отражает риски, возникающие при вступлении в исследовательское поле другой научной дисциплины. В издании указателя сюжетов М. Мельниченко, характеризуя делопроизводственную документацию, корректно подчеркивает недоступность исследователям «судебных»/«уголовных» дел и обращает внимание на возможность использования в публикации лишь вторичных источников [Мельниченко 2014, с. 49–51].

Следует отметить, что в источниковедческом анализе, как правило, используется термин «следственное дело» – в 1930-е гг. на основании его материалов приговор обвиняемому выносили чрезвычайные внесудебные органы (Особое совещание Коллегии ОГПУ/НКВД, Специальная коллегия областного суда и др.). Материалы следственных дел в изучении неформальной коммуникации и распространении критических высказываний имеют важное значение, поскольку рекордное число репрессированных были осуждены именно «за слова»: не случайно В. Турбин характеризовал имеющийся в статье 58 пункт 10 как отражение логотропии власти². Известный историк О. Лейбович справедливо отметил, что в следственных делах нашли отражение все оттенки мысли современников И. Сталина – от самых примитивных до искусно разработанных, от вторичных до оригинальных: при их чтении возникает «ощущение постоянного ропота, аккомпанирующего всей советской системе...» [Лейбович 2004, с. 6].

Каждое следственное дело (за редким исключением) является комплексным историческим источником, поскольку помимо

² Турбин В. Китежане (из записок русского интеллигента) // Погружение в трясину: Анатомия застоя. М.: Прогресс, 1991. С. 352.

формальных документов (постановление об избрании меры пресечения, ордер на арест, анкета арестованного, протоколы допросов и т. п.) содержит «вещественные доказательства» «антисоветской пропаганды» и/или «контрреволюционной агитации» (дневники, письма, тетради со стихами, блокноты с частушками и анекдотами, запрещенные книги, открытки, фотографии и др.). Тем не менее поиск данных материалов в десятках тысяч томов архивного хранения оказывается весьма затруднительным. По этой причине, как отмечал С.В. Журавлев, несмотря на значительный информационный потенциал следственных дел, их использование остается эпизодическим [Журавлев 2005, с. 371–400], а тематические публикации на основе «вещественных доказательств» – редкими [Быкова 2009; Быкова 2010; Быкова 2013; Обухов 2013]. Исследователи для изучения «антисоветского» фольклора, как правило, используют сводки ОГПУ–НКВД и других «контролирующих» инстанций [Шинкарчук 1998; Архипова, Неклюдов 2013].

Возвращаясь к полемике о степени опасности – с точки зрения власти – письменных и устных текстов, следует отметить, что устная форма критики вызывала панический страх, поскольку имела публичный характер. Письменные тексты могли распространяться лишь в ограниченном пространстве и в случае обыска становились для автора дополнительным фактором опасности. По этой причине происходило изменение культурных практик: люди старались запоминать и передавать информацию устно. Однако в 1930-е годы в ситуации предельно ограниченной свободы слова и опасности агентурной слежки устный обмен мыслями или текстами также был опасен, поэтому возникала необходимость в письменной фиксации. Кроме того, следователи требовали от арестованных и свидетелей записать сочиненные/услышанные анекдоты, частушки или песни – таким образом осуществлялась инверсия: тексты, традиционно существовавшие в устной форме, превращались в письменные. В то же самое время людям письменной культуры – поэтам, писателям, их близким и друзьям – приходилось сохранять в памяти «запретные» произведения («Реквием» Анны Ахматовой, стихи Осипа Мандельштама и др.).

Значение неформальной коммуникации в политических процессах, происходивших в советском государстве, отмечали исследователи, изучавшие и противостояние оппозиции Центральному Комитету РКП(б) в 1920-е гг., и распространение слухов, других устных форм «информирования» в сталинском СССР. Особенно важными в раннем советском государстве были практики инструментализации «личных образов» политических конкурентов [Резник 2017, с. 112–113, 119, 126] – их значение в дальнейшем становится все более значимым. Кроме того, в 1930-е годы повышенное

внимание официальной пропаганды к формированию культа героев, идеям советского патриотизма и любви к социалистической Родине было вызвано необходимостью создать эффективные внеэкономические механизмы мобилизации [Савин 2020, с. 101–108]. Анализируя публикации по теме, следует отметить исследования, авторы которых доказали амбивалентность «героического» в контексте эпохи: одним из первых характеризовал героизм как показатель кризиса современной ему культуры нидерландский историк Й. Хейзинга в книге «В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи», изданной в 1935 г. [Хейзинга 1992, с. 321–328].

В истории героического культа в СССР знаковым событием является экспедиция на корабле «Челюскин»: по завершении спасательной операции его экипажа и пассажиров Постановлением ЦИК СССР от 16 апреля 1934 г. была учреждена высшая степень отличия – Герой Советского Союза. Первыми этого звания были удостоены летчики, эвакуировавшие челюскинцев с дрейфующей льдины: А. Ляпидевский, В. Молоков, Н. Каманин, М. Слепнев, М. Водопьянов, И. Доронин и даже С. Леваневский, несмотря на то, что ему не удалось долететь до лагеря полярников. Все участники экспедиции были награждены Орденом Красной Звезды «за исключительное мужество, организованность и дисциплинированность, проявленные отрядом полярников во льдах Ледовитого океана». Известные поэты посвящали героям стихи, стараясь подробно передавать не только трудности экспедиции, но и самоотверженность челюскинцев, смелость летчиков [Козлова 2013].

Организация триумфальных встреч в городах, через которые следовал поезд с челюскинцами от Владивостока до Москвы, восхваление их подвига в газетах действительно было самой значительной пропагандистской акцией «советского героизма». Тем не менее Ю. Слёзкин, С. Дэвис и другие исследователи характеризуют информационный поток о встрече И. Сталина с челюскинцами и пилотами как одно из важных событий в формировании культа его личности, в прославлении его особой роли в жизни северных народов [Слёзкин 2008; Дэвис 2011, с. 139].

Тема отношения советских людей к экспедиции и экстремальному опыту челюскинцев рассматривалась, в частности, С.О. Шмидтом в «Этюдах об Отто Юльевиче Шмидте». Сообщая о симпатиях современников к челюскинцам («удивлялись тому, как смогли всё это выдержать»), цитируя восторженные отзывы иностранцев, ученый отметил: «Хотя, естественно, не обошлось и без недобрых стихотворных слов, исполняемых на мотив “Мурки”». К сожалению, процитировав несколько строк песни, известный историк, один из самых высокопрофессиональных

источниковедов, не сделал ссылки и никак не прояснил способ получения данного свидетельства, но продолжил его негативным отзывом М. Пришвина, характеризовавшим экспедицию как «грех тщеславия» и «маленькую авантюру» [Шмидт 2011, с. 461]. Учитывая родственные отношения ученого с руководителем экспедиции, такой ракурс документирования вызывает эмпатию и позволяет считать его цитацию дополнительным аргументом, доказывающим популярность песни в 1930-е гг.

В.С. Бахтин, отметив существование ленинградского, московского, ростовского и других вариантов «классической» «Мурки», по памяти – с помощью доктора филологии Ю. Левина – реконструировал текст «Мурки» о челюскинцах и также указал на его вариативность [Бахтин 1997]. Разные версии «челюскинской “Мурки”», легенды о возможном авторе и исполнителях представлены в работе журналиста А.А. Сидорова. Собирает цитирует одну из легенд, содержащуюся в мемуарном очерке Ф.Р. Штильмарка, – согласно его воспоминаниям, в Енисейске во второй половине 1930-х гг. имелись в наличии улица «челюскинцев» и улица «папанинцев», сосланных в Сибирь «за ироничные высказывания о покорителях северных пространств» [Сидоров 2010, с. 20–24, 90].

Французский историк Г. Риттершпорн, анализируя особенности «советского смеха», отмечал, что подозрительные триумфы героев «вдохновляли» остряков на перевертывание официального дискурса: «Популярнейшей темой была полярная экспедиция на пароходе “Челюскин” в 1933 г., закончившаяся кораблекрушением» [Риттершпорн 2013, с. 186]. Изучив архивные документы, ученый констатировал: в ответ на официозные торжества, посвященные челюскинцам, обычные люди сочиняли «нелестные стихи и распространяли их в разных версиях, порой довольно отличавшихся друг от друга». Рассмотрев примеры народных «шуток» по разным поводам, Г. Риттершпорн сделал вывод о беспомощности смеха советского карнавала, о его зависимости от большевистских интеллектуальных парадигм, об отсутствии альтернативного взгляда на мир. Несмотря на такую оценку, ученый признал: «Но власти опасались его потому, что он оспаривал их способность управлять страной...». Страхи власти подтверждались жестокими наказаниями за критические высказывания, в том числе высшей мерой, как в деле студента, заявившего в частном письме, что герои «Челюскина» «не стоили резиновой подметки убийцы Кирова» [Риттершпорн 2013, с. 187–188].

Особого внимания заслуживает один из тезисов Г. Риттершпорна, основанный на «шутках» об убийстве или смерти политических лидеров: «Смех советских граждан мог быть крайне злобным» [Риттершпорн 2013, с. 187–188]. Озлобленность была обратной

стороной отчаяния, ее объектами иногда оказывались случайные персонажи, не имевшие никакого отношения к трудностям и трагедиям жизни обычных людей. Жестокость к героям экспедиции выражена, например, в анекдоте о Б. Могилевиче, завхозе экспедиции, одессите по происхождению, комсомольце, единственном погибшем члене команды «Челюскина» во время эвакуации на льдину: «Последняя новость: вчера в Одесском порту выплыл Могилевич с отрезом ширпотреба в зубах». Такая – очень жесткая – интерпретация содержится среди прочих записей за 1934 г. в тетради жительницы Москвы Н.В. Соколовой под номером 452 [Мельниченко 2014, с. 331].

В следственных делах А.А. Яковлева и В.М. Сошникова, хранящихся в Государственном архиве административных органов Свердловской области, имеются очень похожие, но все-таки отличающиеся от других и между собой варианты «челюскинской “Мурки”». Для понимания культурного контекста и ареала бытования песни важно выяснить социальные характеристики «распространителей» «контрреволюционной агитации». Происхождение, уровень образования, мировоззрение, статус, круг их общения интересны и с точки зрения «антропологического поворота» в фольклористике, отмеченного участниками форума «Фольклорист на чужом поле» [Никитина 2020].

Арестованные принадлежали к одному поколению: А. Яковлев родился в 1912 г., В. Сошников – в 1915 г., оба были арестованы в Нижнем Тагиле, ставшим в 1930-е гг. одним из значимых промышленных центров Свердловской области. Однако этими фактами и ограничивается сходство их жизненного пути: первый был арестован 4 октября 1936 г.; второй находился в тюрьме с 14 декабря 1937 г.; по результатам «расследования» А. Яковлева приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, В. Сошников был осужден на 2 года. А. Яковлев родился в Москве, согласно анкетным данным, имел дворянское происхождение. Из-за революции и гражданской войны, затем по другим причинам ему пришлось много раз менять место жительства: Тифлис, Березники, Кара-Бугаз, Свердловск. Только в 1935 г. он приехал в Нижний Тагил³. Отец, сестра и брат Алексея находились в эмиграции. В. Сошников родился в Нижнем Тагиле в семье рабочего, получил начальное образование.

А. Яковлев, имевший диплом по специальности «техник-химик», работал заведующим плановым сектором в Управлении главного механика треста «Тагилстрой» – организации, которая

³ ГААО СО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 68163/43747. Л. 29: Показания обвиняемого Яковлева А.А. 5 октября 1936 г.

строила Ново-Тагильский металлургический завод. Во время обыска у А. Яковлева изъяли письма и две тетради с «контрреволюционными записями», среди которых – «Песенка о челюскинцах». В. Сошников работал дежурным слесарем на Уральском вагоностроительном заводе; текст под названием «SOS» был изъят во время обыска его квартиры. Согласно обвинительному заключению, Владимира арестовали «после того, как... поступили данные» [т. е. донос] о том, что он «производит антисоветскую агитацию» «среди рабочей молодежи и клевету в отношении героев Советской Арктики О.Ю. Шмидта и др.»⁴.

«Архивные» варианты песни о челюскинцах, как и ранее опубликованные исследователями в статьях и книгах, содержат прямое обращение к «героям»: «Здравствуй, Водопьянов! Здравствуй, Ляпидевский! / Здравствуй, лагерь Шмидта, и прощай» (в вариантах А.А. Сидорова и В.С. Бахтина нет упоминания М. Водопьянова – тексты начинаются фразой «Здравствуй, Леваневский!»). От известных версий «арестованные» тексты отличаются тем, что в них отсутствуют некоторые строки (в том числе «Капитан Воронин судно проворонил»); не упоминается борода – неотъемлемая составляющая образа Шмидта в вариантах В.С. Бахтина и А.А. Сидорова.

На допросе А. Яковлев рассказал историю появления «своей» песни: «Кто автор? Назвать не могу. Слышал ее в ресторане Инснэба⁵ в Свердловске в феврале 1935 г. Пел ее громко неизвестный мне человек за соседним столиком. Второй раз слышал в Свердловске на остановке трамвая около Госоперы». Алексей признался, что записал текст по памяти, «несколько литературно отшлифовал» и пел своим знакомым: «Редакция, переданная мной следствию 10 ноября, принадлежит мне»⁶.

В авторизированном варианте А. Яковлева сохраняется ядро распространенных версий, но имеет существенные отличия – как от текста, обнаруженного В. Сошниковым в журнале дежурств цеха крупного литья УВЗ, так и от вариантов, найденных

⁴ ГААО СО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15953/16920. Л. 4: Постановление об избрании меры пресечения; Л. 22. Обвинительное заключение.

⁵ Учреждение по снабжению иностранцев в СССР – специальная контора Государственного объединения по розничной торговле передана в 1932 г. Всесоюзному объединению по торговле с иностранцами (Торгсин), подчинявшемуся Народному комиссариату внутренней торговли. Для иностранцев были открыты специальные магазины и рестораны, в которые поставлялись продукты лучшего качества.

⁶ ГААО СО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 68163 /43747. Л. 66: Дополнительные показания 10 ноября 1936 г.

В.С. Бахтиным, А.А. Сидоровым и Г. Риттершпорном. Во всех указанных вариантах одинаковой является строка «А “Челюскин” плавает на дне». Тем не менее в версии А. Яковлева даже эта строка «звучит» немного иначе: «Пусть „Челюскин“ плавает *по дну*». Почти совпадает с текстом других версий четверостишие, начинавшееся словами «Если бы не Миша, Миша Водопьянов / Не видать бы вам родной Москвы», но завершено оно более жестко: «Сдохли бы на льдине, не было б малины, / А зато теперь герой вы». По сравнению с другими вариантами, в которых «малиной» называлось пребывание экспедиции на льдине, градус осуждения в версии А. Яковлева значительно повышается тем, что уголовный жаргон используется для характеристики образа жизни челюскинцев после возвращения в Москву.

Более того, в версии Алексея подробно и критично описывается время существования на льдине: «Разве не героизм жить зимой на льдине / И по свету SOS'ы посылать? / Милые соседи – белые медведи / Не давали вам ночами спать». Сюжет с идентичной оценкой обнаружен М. Мельниченко в анекдоте о «типичном герое-челюскинце» из собрания Н.В. Соколовой, хранящегося в неопisanном фонде РГАЛИ: «Слушайте, если бы вам показали новенький пароход, только что сделанный в Дании, и предложили плыть на нем по Северному морскому пути, вы бы согласились?» – «Отчего нет? Лишь бы дали хорошие суточные и хорошо кормили». – «А если бы корабль, раздавленный льдами, пошел ко дну?» – «Я бы постарался высадиться на лед». – «А на льду чтобы стали делать?» – «Стал бы ждать, когда меня спасут». – «Так вы типичный герой-челюскинец! И вам надо устроить триумфальный въезд в Москву» [Мельниченко 2014, с. 330]. Анекдот зафиксирован под номером 318 в специальной тетради «для записи смешного» («Bon mots», 1924–1937 гг.) и имел очевидную, отмеченную составителем, авторскую доработку текста с целью «улучшения». Даже если учесть замечание М. Мельниченко об узком круге распространения данного анекдота – среди московских интеллигентов, с которыми общалась семья Н.В. Соколовой [Мельниченко 2014, с. 64], – можно утверждать, что неформальное критическое обсуждение «подвига» челюскинцев было характерной чертой коммуникации в разных регионах СССР, как и творческое изменение полученных текстов: в случае Н.В. Соколовой – анекдота, а А. Яковлева – песни.

Авторской инициативой А. Яковлева в «Песенке о челюскинцах» является описание ситуации в стране, жители которой следили за существованием экспедиции на льдине по газетам и радиопередачам: «Весь Союз боялся. Девушки рыдали. / Все газеты поминали вас. / Ваши телеграммы целовали дамы. / Наконец

пробил спасенья час». Особенность лексики и ироничная романτικότητα данного четверостишия предопределены происхождением Алексея, уровнем его образования и увлечением сочинительством стихов (некоторые из них были напечатаны в журнале «Время» в Тифлисе в 1926–1928 гг.). Первая строка завершающего куплета песни имела принципиальное отличие от других версий: она начинается с вопроса от имени троцкистов («Где же смысл и польза / В этом предприятии была?! – закричат троцкистам»), но заканчивается ответом, аналогичным другим вариантам: «Денежки в кармане, / Рожи на экране – вот что экспедиция дала». Учитывая, что этот вариант был зафиксирован уже в камере, возможно – по мнению Алексея – упоминание троцкистов должно было обозначить для следствия носителей «анти-советской» точки зрения, выраженной в тексте песни. С другой стороны, образ «троцкистов» в эти годы активно использовался в официальном дискурсе как антипод «героям» – Алексей, обладавший лексической чуткостью, не мог не отметить это противопоставление.

В деле А. Яковлева «Песенка о челюскинцах» была дополнительным аргументом обвинения, а в деле В. Сошникова – основной формальной причиной. Почерк Владимира («сына рабочего», как он – не без гордости – указывает в анкете), грамматические ошибки, имеющиеся в тексте, свидетельствуют о начальном образовании. Можно предположить, что пропуск слова и неправильное написание фамилий (все – с маленькой буквы, отсутствие буквы «д» в фамилии Шмидта, вместо «Ляпидевский» – «Ляпидеев») объясняются экстремальностью ситуации – необходимо было быстро переписать текст: по этой причине он не смог разобрать некоторые слова на листе, найденном им в книге дежурств своего цеха. Однако более вероятна версия, что «герои» песни не были известны В. Сошникову, как, впрочем, и сотруднику милиции, проводившему обыск в его квартире и указавшему в протоколе об изъятии «компрометирующего *абигдота* героев Арктики».

Повторяющиеся орфографические, грамматические, пунктуационные ошибки и стилистические отклонения от норм литературного языка в текстах дела свидетельствуют как о низком уровне грамотности следователей, так и об отсутствии знаний о полярной экспедиции. В таком случае возникает абсурдная ситуация – сотрудники НКВД обвиняли человека в дискредитации «героев», о подвигах которых они не знали. На допросах следователи стремились добиться от арестованного признания, что «песня соответствовала [его] контрреволюционным воззрениям», но В. Сошников признал свою вину только в «необдуманно[м]»

переписывании и хранении песни, утверждая, что «не рассказывал, не пел» ее: «Даже содержания точно не помню»⁷.

Максимально формализованный стиль вопросов и ответов в протоколах допросов не позволяет получить более полные данные об уровне осведомленности следователя и арестованного. Отсутствие знаний у сотрудников НКВД о событиях 1933–1934 гг. косвенно подтверждает текст обвинительного заключения, в котором О.Ю. Шмидт был назван Героем Советского Союза. Впрочем, повышение его статуса, как и других – неназываемых – «героев», оскорбленных «клеветнической песней контрреволюционного содержания», переписанной В. Сошниковым, вероятнее всего, могло рассматриваться следователями и как важный аргумент для окончательного вердикта: «Дело направить на рассмотрение тройки УНКВД по Свердловской области».

Следует подчеркнуть, что содержательно важным отличием версии В. Сошникова от других является фраза, акцентирующая внимание на высокой награде, которую действительно получили О.Ю. Шмидт и другие участники экспедиции: «Вы же утопили ледокол “Челюскин”, / А за это *орден* получай» (в вариантах В.С. Бахтина, Г. Риттершпорна, А.А. Сидорова, А. Яковлева речь идет о червонцах). Общими моментами во всех версиях являются упоминание отдыха и лечения («В Крым вы укатили») и отсутствие дифференциации наград (в реальности летчики получили звание Героев Советского Союза). В отличие от других версий, использовавших для характеристики «героев» выражение «словно пчелы в рое», у А. Яковлева – просто «герои», в варианте В. Сошникова содержится знаковое, точное определение, которое сотрудники НКВД использовали для формулировки причины ареста и обвинения: «Вы теперь герои *Арктики советской*». Телеграфный стиль и цитирование официального/идеологического клише в данном тексте не только конкретизирует события, уточняет их пространственные координаты, но и усиливает ироничность отношения.

Остальные строки почти полностью совпадают с другими вариантами (в том числе: «Денежки в кармане, рожи на экране – / Вот, что экспедиция дала»), но только в версии В. Сошникова словом «молва» подчеркивается информационный эффект арктической эпопеи: «Вам теперь живется весело, нескучно: / Вечеринки, пляски и *молва*» (в варианте Г. Риттершпорна: «Вечеринки, пьянство и гульба»). Из известных версий вариант В. Сошникова – самый лаконичный: в нем нет повторов, характерных для версий В.С. Бахтина и А.А. Сидорова; отсутствуют некоторые строки (в том числе «Если бы не Мишка, Мишка Водопьянов, /

⁷ Там же. Д. 15953 (16920). Л. 30.

Не видать бы вам родной Москвы»). Можно предположить, что за прошедшие с момента события годы текст песни в процессе передачи подвергся значительному редуцированию, сохранив, тем не менее, самое важное для современников: подвиг летчиков был также исключен, осталась лишь критическая часть.

Помимо знакомства с оригинальными версиями «челюскинской “Мурки”», материалы следственных дел позволяют выяснить способы распространения песни. В деле А. Яковлева, кроме его признания в том, что он пел песню, содержится свидетельство о переписывании текста учениками 5-го класса школы № 7 г. Нижнего Тагила. Получив замечание учителя, дети пытались уничтожить текст. Директор в своих показаниях отметил, что не удалось установить, как песня попала в школу. Следователи НКВД обвинили А. Яковлева в распространении «контрреволюционной песни» на том основании, что в школе работал его знакомый⁸. Материалы дела В. Сошникова свидетельствуют о весьма примечательном способе распространения текста: переписав песню, Владимир оставил «оригинал» в книге дежурств. Вероятнее всего, именно таким образом и прежде осуществлялась передача других текстов.

Данные о масштабах распространения песни, обнаруженные Г. Риттершпорном в документах отделов ЦК ВЛКСМ в фондах РГАСПИ, содержат такие географические координаты: Мурманск, Казань, Одесса, Архангельская, Новосибирская, Ленинградская и Курская области, Горьковский край. Сообщения чиновников о подобных рукописях, распространявшихся в армии, были найдены ученым в фондах Российского государственного военного архива [Риттершпорн 2013, с. 187, 191].

«Арестованные» версии песни о челюскинцах, как и другие, являлись частью процесса «символического обесценивания» образов героев полярной экспедиции – в противовес официальной презентации их подвига. Выбор мелодии «Мурки» усиливал ироническое отношение, выражал предельную степень снижения. Тем не менее в варианте А. Яковлева, как и в других версиях, представлена иерархия «героев»: если экипаж и пассажиры парохода изображаются пассивно ожидающими помощи после того, как не смогли спасти корабль, то летчики (в первую очередь, «Миша Водопьянов»), действительно, совершили подвиг. Интересно отметить, что только данный аспект неподцензурной песни рифмуется с идеологической мифологией и появившимися позднее

⁸ ГААО СО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 68163 (43747). Л. 196. Протокол допроса директора школы Кожевникова М.Н.; Л. 211 Обвинительное заключение от 21 января 1937 г.

«новинами». Хронологическая асимметрия позволяет предположить: «новины» о Поколен-Бороде и летчиках-соколах появились в ответ на широко распространявшиеся народные произведения, создававшие неоднозначный образ «героев советской Арктики». Кроме того, данное предположение основано на свидетельствах современников: по одной из легенд, в июле 1934 г. куплет «челюскинской „Мурки“» прозвучал в исполнении Павла Васильева на приеме в Кремле [Сидоров 2010, с. 21]; Алексей Яковлев услышал песню впервые в феврале 1935 г., в то время как «новые сказы» были записаны только весной 1937 г. [Козлова 2013, с. 110–111]. Кроме того, согласно исследованиям фольклористов, в 1934–1935 гг. не была освоена практика создания новин.

Подводя итоги исследования, следует отметить: материалы следственных дел позволяют познакомиться с аутентичными фольклорными текстами и выяснить практики распространения «антисоветских» произведений в 1930-е гг., свидетельствуя о сложных отношениях власти и народа, неоднозначности социальных коммуникаций. История «челюскинской “Мурки”» показывает, каким критическим потенциалом обладает песня, соединившая популярную мелодию и актуальный для современников сюжет. Разночтения в вариантах текста, нюансы описательных и оценочных номинаций, ареал распространения свидетельствуют о действительно «народном» характере песни.

В советском контексте подобные произведения политизировались, власти пытались связать их с «контрреволюционными» настроениями и созданием «антисоветских организаций». Следственные дела А. Яковлева и В. Сошникова отражают данную тенденцию. Не только содержание, но и горизонтальные формы коммуникации, формировавшиеся в процессе распространения песен, частушек, анекдотов и других неподцензурных произведений, вызывали опасения властных структур. Особая тревога и нервозность проявлялись в тех случаях, когда в переписывание и передачу текстов включались дети, которых власти считали надеждой социалистического будущего. Неслучайно приговор А. Яковлеву предусматривал более жестокое наказание, чем приговор В. Сошникову. Несмотря на преследования, люди использовали фольклорные жанры для осмысления происходивших событий, посягая таким образом на установившееся монопольное право власти интерпретировать информацию. Кроме того, современники пытались преодолеть разрыв привычных коммуникативных связей, ставший реальностью в атмосфере подозрительности и контроля, проявляя изобретательность в практиках передачи текстов, подобных «челюскинской “Мурке”», и создавая виртуальные группы единомышленников.

Список сокращений

НКВД – Народный Комиссариат внутренних дел

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

СССР – Союз советских социалистических республик

УНКВД – Управление НКВД (по области, по району, по городу)

УВЗ – Уральский вагоностроительный завод

ЦК ВЛКСМ – Центральный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи

Приложение

ВАРИАНТЫ ПЕСНИ О ЧЕЛЮСКИНЦАХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.

1. Текст «Песенки о челюскинцах» (на мотив «Мурки»)
из следственного дела

А.С. Бородиной, А.П. Дерябина, А.А. Яковлева
(ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 68163/43747. Л. 29)

Здравствуй, Ляпидевский,
здравствуй, Водопьянов

Весь Союз боялся.

Девушки рыдали.

Здравствуй, лагерь Шмидта,
и прощай.

Все газеты затаскали вас.

Вместе водку пили, Челюскин
топили,

Ваши телеграммы целовали дамы

А теперь червонцы получай.

Наконец пробил спасенья час.

Если бы не Миша, Миша
Водопьянов –

Вы теперь на суше весело живете

Не видать бы вам родной
Москвы –

Добрались в родимую страну

Сдохли бы на льдине, не было б
малины,

Деньги получили, в Крым вас
прокатили

А зато теперь герои вы.

Пусть Челюскин плавает по дну.

Разве не геройство жить зимой на
льдине

И по свету SOSы посылать?

Милые соседи – белые медведи

Не давали вам ночами спать.

Где же смысл и польза закричат
троцкисты

В этом предприятии была?!

Денежки в кармане, рожи на
экране –

Вот что экспедиция дала.

Беседа о "Советском Союзе"
(на лейбле Музея)
Экспедиция Антарктиды, экспедиция Арктики,
Экспедиция Лагеря, Экспедиция на льдине –
Всегда впереди, "Советский Союз" ты
А теперь гербончик получаешь.
* * *
Глади не лежи, Лежи, Лежи, Лежи –
но выходи на свои родные места –
Смотри на льдине, лежи на льдине –
А это теперь гербончик ты.
* * *
Разве не геройство жить зимой на льдине
И по свету SOSы посылать?
Милые соседи – белые медведи
не давали вам ночами спать.
* * *
Все Союз Советов, добрый народ.
Все народ, фантомный народ.
Вам фантомный фантомный народ
Начинает плавать на дне
Вот теперь на дне все фантомный народ
Фантомный фантомный народ
Вот теперь плавать, в море, в море, в море
Море, фантомный, плавать по дну.

Тот же смысл и польза закричат
В этом предприятии была?!

Денежки в кармане, рожи на экране –
Вот что экспедиция дала.

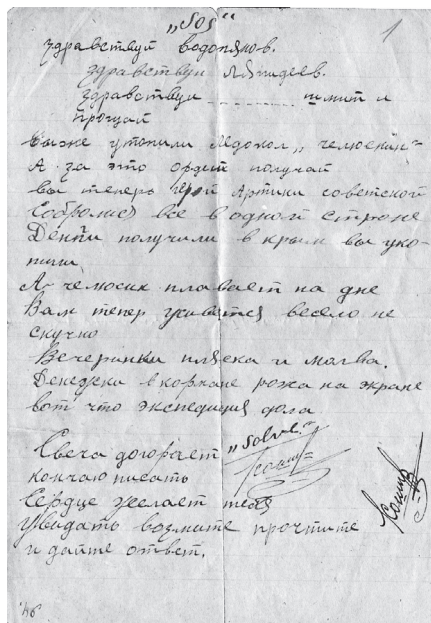
10/17/36

2. Текст песни «SOS»

из следственного дела В.М. Сошникова

(ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15953/16920. Л. 38. Конверт. Л. 1)

Здравствуй Ляпидеев
Здравствуй шмит и прощай
Вы же утопили Ледокол «Челюскин»
А за это орден получай
Вы теперь герои Арктики советской
Собрались все в одной стороне
Деньги получили в Крым вы укатили
А челюскин плавает на дне
Вам теперь живет весело не скучно
Вечеринки пляски и молва
Денежки в кармане рожа на экране
Вот что экспедиция дала

Литература

- Архипова, Мельниченко 2011 – Архипова А.С., Мельниченко М.С. Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М.: ОГИ, 2011. 400 с.
- Архипова, Неклюдов 2013 – Архипова А., Неклюдов С. Фольклор и власть в «закрытом обществе» // Русский политический фольклор: Исследования и публикации. М.: Новое изд-во, 2013. С. 39–86.
- Богданов 2009 – Богданов К. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 368 с.
- Бахтин 1997 – Бахтин В. «Муркина» история // Нева. 1997. № 4. С. 229–232.
- Быкова 2013 – Быкова С.И. Вождь как враг: негативные коннотации образа И. Сталина в представлениях современников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4. Ч. 3. С. 148–153.
- Быкова 2010 – Быкова С.И. Смех под арестом: анекдот и другие «весёлые жанры» в следственных материалах НКВД // Totalitarianism and literary discourse: 20th century experience / Ed. by I. Ratiiani. Tbilisi: Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, 2010. P. 192–199.

- Быкова 2009 – *Быкова С.* Советская иконография и «портретные дела» в контексте визуальной политики, 1930-е годы // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦГСИ, 2009. С. 105–125.
- Джонстон 2011 – *Джонстон Т.* Слухи в СССР сталинского времени // Слухи в России XIX–XX вв.: Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 18–27.
- Дэвис 2011 – *Дэвис С.* Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 / Пер. с англ. В.Н. Морозова. М.: РОССПЭН, 2011. 231 с.
- Журавлев 2005 – *Журавлев С.В.* «НКВД напрасно не сажает»: особенности изучения следственного делопроизводства 1930-х гг. // Социальная история: Ежегодник. 2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 371–400.
- Козлова 2013 – *Козлова И.* «Сталинские соколы»: тоталитарная фразеология и «советский фольклор» // Русский политический фольклор: Исследования и публикации. М.: Новое изд-во, 2013. С. 111–119.
- Комелина 2013 – *Комелина Н.* Политический фольклор из «особого хранения» фольклорного фонда Пушкинского дома // Русский политический фольклор: Исследования и публикации. М.: Новое изд-во, 2013. С. 305–402.
- Лейбович 2004 – *Лейбович О.* Предисловие // Политические репрессии в Прикамье: 1918–1980 гг.: Сб. документов и материалов. Пермь: Изд-во «Пушка», 2004. С. 6–10.
- Мельниченко 2014 – *Мельниченко М.* Советский анекдот: Указатель сюжетов. М.: НЛО, 2014. 1104 с.
- Никитина 2020 – *Никитина С.Е., Петров Н.В., Разумова И.А., Топорков А.Л., Фиалкова Л.Л., Янечек П., Валк У.* Фольклорист на чужом поле: форум // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 2. С. 15–48. URL: <https://folklore.elpub.ru/jour/article/view/87> (дата обращения 12 июля 2021). DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-2-15-48
- Обухов 2013 – *Обухов Л.А.* Политический анекдот как элемент повседневности и сопротивления тоталитарному режиму в 1930-е годы // Повседневность российской провинции XIX–XX вв.: В 2 ч. Ч. 2. Пермь: Пермский гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2013. С. 56–59.
- Панченко 2005 – *Панченко А.А.* Культ Ленина и «советский фольклор» // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 2005. С. 334–366.
- Резник 2017 – *Резник А.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 гг. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2017. 382 с.

- Риттершпорн 2013 – *Риттершпорн Г.* Перевернутый мир советского смеха // От великого до смешного...: Инструментализация смеха в российской истории XX века: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2013. С. 177–191.
- Савин 2020 – *Савин А.И.* Сталинские герои в зеркале эго-документов 1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 101–108.
- Сидоров 2010 – *Сидоров А.А.* Песнь о моей Мурке: История великих блатных и уличных песен. М.: ПРОЗАиК, 2010. 91 с.
- Слёзкин 2008 – *Слёзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2008. 512 с.
- Фицпатрик 2001a – *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с.
- Фицпатрик 2001b – *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.
- Хамфри 2005 – *Хамфри К.* Опасные слова: табу, уклонение и молчание в Советской России // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 314–339.
- Хейзинга 1992 – *Хейзинга Й.* Homo ludens: В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс–Академия, 1992. 464 с.
- Шиллинг 2011 – *Шиллинг Т.* «Слухи шли из секретариата Кобы»: неформальная коммуникация и господство при сталинском дворе // Слухи в России XIX–XX вв.: Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 334–348.
- Шинкарчук 1998 – *Шинкарчук С.А.* Политический анекдот 1920–1930-х гг. и общественное мнение населения Советского Союза // Клио. 1998. № 2. С. 92–96.
- Шмидт 2011 – *Шмидт С.О.* Этюды об Отто Юльевиче Шмидте // Отто Юльевич Шмидт в истории России XX века и развитие его научных идей / Под ред. А.О. Глинко. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011. С. 361–551.
- Юстус 2000a – *Юстус У.* Возвращение в рай: соцреализм и фольклор // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Акад. проект, 2000. С. 70–86.
- Юстус 2000b – *Юстус У.* Вторая смерть Ленина: функция плача в период перехода от культа Ленина к культу Сталина // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Акад. проект, 2000. С. 926–952.

References

- Arkhipova, A. and Neklyudov, S. (2013), "Folklore and power in a closed society", in Panchenko, A.A. (ed.), *Russkii politicheskii fol'klor: Issledovaniya i publikatsii* [Russian political folklore: research and publications], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 39–86.
- Arkhipova, A.S. and Melnichenko, M.S. (2011), *Anekdoty o Staline: Teksty, kommentarii, issledovaniya* [Anecdotes about Stalin: research], OGI, Moscow, Russia.
- Bakhtin, V. (1997), "Murka's history", *Neva*, no. 4, pp. 229–232.
- Bogdanov, K. (2009), *Vox populi: Fol'klornye zhanry sovetskoi kul'tury* [Vox populi: Folklore genres of Soviet culture], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Bykova, S.I. (2010), "Laughthter under arrest: anecdotes and other 'funny' genres in NKVD investigative materiales", in Ratiani, I. (ed.), *Totalitarianism and literary discourse: 20th century experience*, Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, Tbilisi, Georgia, pp. 192–199.
- Bykova, S.I. (2013), "A leader as an enemy: adverse connotations of Stalin's image in modern minds", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhi Novgorod], no. 4, part 3, Nizhi Novgorod, Russia, pp. 148–153.
- Bykova, S. (2009), "Soviet iconography and 'portrait cases' in a context of visual politics 1930s", in Yarskaya-Smirnova, E.R. and Romanov, P.V. (ed.), *Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme*. [Visual anthropology: regimes of visibility under socialism], Variant, Moscow, Russia, pp. 105–125.
- Davies, S. (2011), *Mnenie naroda v stalinskoj Rossii: terror, propaganda i inakomyslie* [Popular opinion in Stalin's Russia: terror, propaganda and dissent, 1934–1941], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Fitzpatrick, Sh. (2001), *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Fitzpatrick, Sh. (2001), *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's peasants. Social history of Soviet Russia in the 30s: the village], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Humphrey, C. (2005), "Dangerous words: taboo, evasion and silence in Soviet Russia", *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], no. 3, pp. 314–339.
- Huizinga, J. (1992), *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo ludens. In the shadow of tomorrow], Progress-Academiya, Moscow, Russia.
- Johnston, T. (2011), "Rumors in the USSR during Stalin's time", in Narskij I.V. (ed.), *Slukhi v Rossii XIX–XX vv. Neofitsial'naya kommunikatsiya i «krutye povoroty» rossiiskoi istorii* [Rumors in Russia in the 19th – 20th centuries Informal communication and «sharp

- turns» in Russian history], Kamennyi poyas, Chelyabinsk, Russia, pp. 18–27.
- Kozlova, I. (2013), “ ‘Stalin’s Falcons’: totalitarian phraseology and ‘Soviet folklore’ ”, in Panchenko, A.A. (ed.), *Russkii politicheskii fol’klor: Issledovaniya i publikatsii* [Russian political folklore: research and publications], Novoe izdatel’sтво, Moscow, Russia, pp. 111–119.
- Komelina, N. (2013), “Political folklore from the ‘special storage’ of the folklore fund of the Pushkin House”, in Panchenko, A.A. (ed.), *Russkii politicheskii fol’klor: Issledovaniya i publikatsii* [Russian political folklore: research and publications], Novoe izdatel’sтво, Moscow, Russia, pp. 305–402.
- Leibovich, O. (2004), “Foreword”, *Politicheskie repressii v Prikam’e. 1918–1980 gg. Sbornik dokumentov i materialov* [Political repressions in the Kama region. 1918–1980s. Collection of documents and materials], Izdatel’sтво “Pushka”, Perm, Russia, pp. 5–10.
- Melnichenko, M. (2014), *Sovetskii anekdot (Ukazatel’ syuzhetov)* [Soviet anecdote (Index of plots)], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Nikitina, S.E., Petrov, N.V., Razumova, I.A., Toporkov, A.L., Fialkova, L.L., Janeček, P. and Valk, U. (2020), “Folklorists out of their element. Forum”, *Folklor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore: Structure, Typology, Semiotics], vol. 3, no. 2, pp. 15–48.
- Obukhov, L.A. (2013), “Political anecdote as an element of everyday life and resistance to the totalitarian regime in the 1930s”, in Subbotina, E.S. (ed.), *Povsednevnost’ rossiiskoi provintsii XIX–XX vv.* [Everyday life of the Russian province of the 19th – 20th centuries], Permskii gosudarstvennyi humanitarno-pedagogicheskii universitet, Perm’, Russia, vol. 2, part 2, pp. 56–59.
- Panchenko, A.A. (2005), “Lenin’s cult and ‘soviet folklore’”, in Gurevich, A.Ya. (ed.), *Odissei. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History], Nauka, Moscow, Russia, pp. 334–366.
- Reznik, A. (2017), *Trotskii i tovarishchi: levaya oppositsiya i politicheskaya kul’tura RKP(b), 1923–1924 gg.* [Trotsky and comrades: the left opposition and the political culture of the Russian Bolshevik party, 1923–1924s], Izdatel’sтво Evropejskogo universiteta, Sankt-Petersburg, Russia.
- Rittershporn, G. (2013), “The upside down world of Soviet laughter”, in Narskii, I.V. (ed.), *Ot velikogo do smeshnogo... Instrumentalizatsiya smekha v rossiiskoi istorii XX veka: Sbornik statei* [From the great to the ridiculous... Instrumentalization of laughter in Russian history of the 20th century: collection of articles], Kamennyi poyas, Chelyabinsk, Russia, pp. 177–191.
- Savin, A.I. (2020), “Stalin’s heroes in the reflection of the 1930s ego-documents”, *Ural’skii istoricheskii vestnik*, vol. 69, no. 4, pp. 101–108.
- Sidorov, A.A. (2010), *Pesn’ o moei Murke. Istoriya velikikh blatnykh i ulichnykh pesen* [Song about my Murka. History of great thugs and street songs], PROZAIK, Moscow, Russia.

- Slezkin, Yu. (2008), *Arkticheskie zerkala. Rossiya i malye narody Severa* [Arctic mirrors. Russia and the small peoples of the Nord], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Shilling, T. (2011), “ ‘Rumors came from the Koba Secretariat’: informal communication and domination at the Stalinist court”, in Narskii, I.V. (ed.), *Slukhi v Rossii XIX–XX vv. Neofitsial’naya kommunikatsiya i «krutye povoroty» rossiiskoi istorii: sbornik statei* [Rumors in Russia in the 19th – 20th centuries. Informal communication and “sharp turns” in Russian history: Collection of articles], Kamennyi poyas, Chelyabinsk, Russia, pp. 334–348.
- Shinkarchuk, S.A. (1998), “Political anecdote of the 1920s – 1930s and public opinion of the population of the Soviet Union”, *Clio*, no. 2, pp. 92–96.
- Shmidt, S.O. (2011), “Sketches about Otto Yulievich Schmidt”, in Glinko, A.O. (ed.), *Otto Yul’evich Shmidt v istorii Rossii XX veka i razvitie ego nauchnykh idei* [Otto Yulievich Schmidt in the history of Russia in the 20th century and the development of his scientific ideas], FIZMATLIT, Moscow, Russia, pp. 361–551.
- Yustus, U. (2000), “Return to paradise: socialist realism and folklore”, in Gyunter, Kh. and Dobrenko, E., *Sotsrealisticheskii kanon* [Socialist realistic canon], Akademicheskii proekt, Saint Petersburg, Russia, pp. 70–86.
- Yustus, U. (2000), “The second death of Lenin: the function of crying during the transition from the cult of Lenin to the cult of Stalin”, in Gyunter, Kh. and Dobrenko, E., *Sotsrealisticheskii kanon* [Socialist realistic canon], Akademicheskii proekt, Saint Petersburg, Russia, pp. 926–952.
- Zhuravlev, S.V. (2005), “ ‘The NKVD never arrest for nothing’: the specifics of 1930s investigation records as a historical source”, *Sotsial’naya istoriya. Ezhegodnik. 2004* [Social history. Yearbook, 2004], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 371–400.

Информация об авторе

Светлана И. Быкова, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; Россия, 620083. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; sibyкова@mail.ru

Information about the author

Svetlana I. Bykova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; bld. 51, Lenin Av., Ekaterinburg, Russia, 620083; sibyкова@mail.ru